

Анна Летягина

КРАЙ ЗОВЕТ

16+

Анна Лetyгина

Край зовёт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48682795

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-08445-2

Аннотация

Они трое узнали о крае раньше меня: когда чуть не сорвались с него. После нашего знакомства я солгала им, что однажды тоже была на грани. Мне хотелось, чтобы они приняли меня, подумав, что я – одна из них. И вот мы четверо – одна стая. Девочка с фиалковыми волосами и глазами, мальчик-космос, наш вожак и я. Сначала – «санитары леса», спасавшие от бездны тех, кто слишком близко подходил к ней. Как же мы превратились в гиен-падальщиков, бегущих к краю на запах опасности и смерти?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	25
Глава 4	36
Глава 5	47
Глава 6	59
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Глава 1

Моя правая нога повисает над пропастью. Кажется, вот-вот я потеряю равновесие, бездна меня тут же проглотит и даже не поперхнётся. Ветер безжалостно терзает мои волосы. На голове теперь точно будет не пойми что. Да там и без ветряной укладки вечный хаос. Держусь одной рукой за поручень что есть силы. Для второй там уже просто нет свободного места. Пальцы вот-вот соскользнут.

– Эй, ты, дверь закрой за собой! Или выходи!

Хоть водила и не крикнул: «Эй, Вера!», но почему-то я не сомневаюсь, что орёт он на меня и высадить грозитя именно меня. Пару сотен метров назад его что-то не беспокоила езда с полуоткрытой дверью и полуживой мной, висящей на нижней ступеньке. Я делаю невообразимые, изощрённые телодвижения и втискиваюсь-таки в душный, забитый влажными и скользкими людьми салон маршрутки. Нашупываю ручку и резким ударом двери по своей же спине вталкиваю себя ещё глубже внутрь. Всё, бездна осталась где-то в другом измерении. Но это не значит, что она мне больше не грозит.

С моей клаустрофобией такая езда – тот ещё экстремальный вид спорта, конечно. Какой «добрый» родственничек наградил меня такой феноменальной пунктуальностью? Точно не бабуля. А других я и не знаю. Как в мой геном затесался такой вот шальной ген? Лучше расшибусь, но ни за

что не опоздаю. Кстати, только что реально были все шансы вывалиться из этой консервной банки и поцеловать асфальт. Зато руководство школы вписало бы моё имя золотыми буквами в какой-нибудь почётный список. «Вера Шацкая, которая пожертвовала собственной жизнью, чтобы не испортить статистику посещаемости и своевременного прихода на первый урок». Мда, ну и канцелярщина. Фу, терпеть не могу свою фамилию. Шипяще-цокающая какофония.

Мысли мои обычно такие громкие, что даже пушечная стрельба, наверно, не смогла бы их заглушить. Иногда мне кажется, что окружающие оборачиваются на звук, который они издают в моей голове. Почему мой внутренний голос именно такой, а не тихий, не вкрадчивый? Кто вообще настраивает его тембр и силу? С другой стороны, это здорово: уметь так громко думать. Потому что сейчас везде, абсолютно везде люди мусорят словами, мусорят звуками. И только если увеличить громкость собственных мыслей, тогда можно хоть как-то защититься от всего этого. Чтобы не превратиться в ходячее ведро для чужих словесно-звуковых отходов. Но вот именно сейчас я почему-то думаю гораздо тише. Почти шёпотом. Может, от стресса внутренняя громкость сама по себе уменьшается. Поэтому я гораздо лучше слышу то, что происходит рядом.

Левый глаз пока способен что-то видеть и различать во круг. В отличие от правого, в который уткнулось чьё-то ухо. Ну что тут вообще можно разглядеть? Смешались в кучу ко-

ни, люди... Щёку и нос что-то назойливо щекочет. Сейчас чихну – и всё «содержимое» маршрутки разлетится ко всем чертям. Ха-ха. Я хочу убрать это что-то и хватаюсь за него рукой. Это прядь чьих-то фиолетовых волос. Блин, алё, мода на цветные волосы – прошлый век! Причём его первая половина. Примерно там же навсегда остались туфли с острыми носами. Не удивлюсь, если та, которая надумала так выкраситься, ещё и обладательница дырявого носа, или губы, или пупка.

– Толечка, ты думаешь, он больше не будет пытаться? Я так переживаю. Если что, я же ночами спать не буду. Не прощу себе.

– Ну, как фказать. Никаких гаантий никто тебе прямо щас не дафт. Время покавэт. Мы фделали фсё, фто от наф зафисит.

Толечка не переставая жуёт какую-то «фкуфняшку». Не очень аппетитно пахнущую, кстати.

– Знать бы ещё, что именно это самое время покажет, когда его выпишут из больницы... И сколько у Сашеньки осталось этого времени. Надеюсь, он будет жить долго. Но как мы можем быть уверены, как? Помнишь Артурчика? Маленького, худенького такого?

Наконец-то жующе-чавкающие звуки стихают, а потом и вовсе прекращаются. Толечка, доев свой уже второй, наверно, завтрак, удовлетворённо причмокивает. И после этого достаивает ответа фиолетовласку.

– Светка, ну ты чего? Конечно, я помню Артурчика. Он сейчас живее и здоровее всех нас троих. И о больничке этой даже не вспоминает. Да, приходили мы к нему раз тыщу. И я, блин, в какую-то из этих тыщ пятниц подумал уже, что дело его – капут полный. Но в итоге что? В итоге у нас бодренький такой Артурчик. И даже без всяких таких мыслей.

А с ними ещё кто-то третий? Какие же отличительные особенности у этого персонажа? Выбритый затылок с татуировкой? Так-так-так. В мозгу вдруг начинают проступать отдельные пиксели: один за другим они то появляются, то исчезают – пытаются сложиться в какое-то изображение. Что-то мне показать. Скорее, о чём-то напомнить. Только я пока не вижу ясных очертаний, чётких деталей и не понимаю поэтому, о чём же именно.

– А вот откуда ты знаешь, что «без всяких таких мыслей»? Эх... Так хочется, чтобы у него и у всех остальных всё-всё было хорошоооо, – снова чуть ли не завывает Светка противеньким таким, плаксивым голоском. Но с другой стороны, это ведь она от жалости к тому Артурчику, наверно. Что с ними всеми случилось вообще?

– Так, Светка, ты вообще кого сможешь спасти с таким настроем? Суперменша ты наша. Красно-синий костюм дома забыла сегодня, что ли?

Толик принимается залиvisto гоготать. Так же смачно, как недавно жевал что-то бургероподобное. Светка тоже хихикает, но мне кажется, что её больше веселит гогот Толика,

чем его шуточка про суперменшу.

– Ребята, мои очки! – раздаётся какой-то новый голос.

– Вадя, что, уронил? Стой, не двигайся, я сейчас попробую нагнуться и достать их.

Светка начинает суетиться, копошиться, и эта её возня вызывает недовольный гул вокруг. Я же молча и терпеливо сношу все её трепыхания, которые, конечно, тоже чувствую, ведь стою я почти вплотную к ней – просто мне почему-то становится жаль Вадю. Мне вспоминается беспомощность бабули, когда она теряет свои очки. Тогда мы вместе пускаемся в поисковый квест по самым таинственным и неизведанным закоулкам нашей квартиры. Если честно, у меня даже мелькает мысль самой попытаться найти Вадины очки. Но от мысли этой я тут же отмахиваюсь. Сами разберутся как-нибудь. Хотя почему бы и не...

– Вот они, Вадя, держи. Не долетели до пола – застряли между сумками. Спасибо переполненной маршрутке!

Несколько пассажиров усмеваются, услышав Светкин выдающийся перл. Так и представляю, с каким торжественно-сияющим лицом Светка вручает очки Ваде.

– Спасибо, Света, ты настоящий друг. Без очков я совсем беспомощный.

Ого. Вадя как будто услышал ту самую мысль о моей бабуле без очков. Всё-таки я и вправду слишком громко думаю, наверно. Вадя так складно говорит. Забавно. С какой-то взрослой убедительностью.

Светка, Толик и Вадя вдруг дружно замолкают. Вроде бы я должна теперь радоваться тому, что эта трескотня наконец-то стихла и не мешает мне больше думать о своём. Но мне, как ни странно, хочется, чтобы они продолжали. Самый любопытный «таракан» в моей голове жаждет подробностей об Артурчике, Сашеньке и, может быть, о ком-то ещё. И, кажется, если его этими подробностями не накормить, он начнёт шалить: ещё возьмёт и надоумит меня напрямик спросить у этих троих, чем таким они все занимаются. Ну уж нет, лучше я побрызгаю этого «тараканчика» дустом своего обычного снобизма. И забуду разговор, который меня вообще никаким боком не касается.

Блин, я знатный тормоз, конечно. Картинка из пикселей вдруг становится ярче, отдельные детали – чётче. И я понимаю, что я... знатный тормоз. Почему я раньше не вспомнил? Хотя иногда такое бывает: тысячу раз проходишь мимо чего-то или кого-то, но как будто этого не видишь. Но это только кажется, что не видишь. А тем временем эпифиз, он же – шишковидная железа, делает своё дело. Бабуля называет это третьим глазом на затылке, что уж совсем антинаучно. В общем, эта шишечка замечает всё, но картинку тебе сразу не показывает, чтобы не отвлекать от более важного. А в самый неожиданный или нужный момент мозг выдаёт тебе это изображение: как будто медленно на цветном принтере распечатывает. Вот как сейчас.

Я иногда прохожу пешком несколько остановок утром, ес-

ли есть свободное время. И вот сейчас вспоминаю, что пару раз краем того самого затылочного «глаза» заметила, что у больницы стоит очень высокий парень в очках, а рядом с ним – низкий и полный. Прямо классика жанра: толстый и тонкий, как у школьного Чехова. Оба примерно моего возраста. Подробностей мой третий глаз не разглядел. Видимо, оба тех раза я каких-то двух случайных чуваков успешно забыла. Мало ли, кто, где и с кем стоит. Но сейчас... Хотя я сейчас не вижу, а только слышу Толика и Вадю, но по всем признакам они и есть те двое. Этот разговор про больницу, эпизод с очками Вади, жующий Толик. Только вот Светка в эту историю пока как-то не вписывается. Сейчас они все ведут себя прямо как неразлучники. Почему же у больницы ни разу не было Светки? Может, она стояла с ними, а я её просто не заметила? Хотя ей с её фиолетовыми волосами трудно оставаться незаметной. Мда, нестыковочка. Да и ничего удивительного. Что я знаю об этом обо всём? Картина всё ещё размытая – нечего себя обманывать и льстить себе, будто удалось кое-что разглядеть на ней. И зачем, если уж на то пошло, мне вообще что-то с чем-то стыковать? Шальной любопытный «таракан» в голове всё никак не уймётся. А я почему-то не тороплюсь его прихлопывать.

И вот это надоедливое насекомое снова резвится: превратившись вдруг в паука, начинает плести у меня в голове паутину неведомой истории без начала и конца. Чужой истории, к которой я не имею никакого отношения. Светка, Толик и

Вадя навещают в больнице Сашку и Артурчика. И ещё каких-то «всех остальных». Когда они выздоравливают, этим троим башню сносит от радости. Но есть опасность, что кто-то из выздоровевших «будет снова пытаться». И эти попытки очень печалят трио. Внимание, вопрос: что за массовая госпитализация, что за попытки и чем они опасны, как Светка и два её «телохранителя» с этим связаны? И почему, кстати, Толик что-то сказал о спасении? Ого, да вопрос-то уже не один. А узнать ответы мне, кажется, никогда не... Дверца маршрутки, на которую я опираюсь спиной, вдруг резко дёргается и куда-то улетает, а я – вслед за ней...

Глава 2

– Не очень удачное приземление.

Надо мной – идеально круглое, лунообразное лицо. Незнакомое. Мальчишеское. А голос – удивительно знакомый. Но ещё удивительнее то, что под моим затылком – что-то, по ощущениям похожее на ладони. И вот кто-то ещё склоняется надо мной, хлестнув меня по щекам прядями фиолетовых волос.

– А её точно к врачу не надо? – звенит Светкин тоненький голосок. Это, понятное дело, Светка. А тот, лунообразный – Толик.

– Света, не паникуй. У неё просто небольшой испуг. Скоро придёт в себя.

А вот и Вадя. Теперь три их головы образуют надо мной парад планет.

– Я уже. Пришла, – заявляю я.

Лица всех троих расплываются в улыбке. Поддерживающие мою голову ладони приподнимают её чуть выше, другие руки обхватывают меня и тянут тоже куда-то вверх. Я пока не понимаю, где чьи руки. Путаюсь в прикосновениях. А тут ещё какое-то пушистое существо возникает из ниоткуда, снуёт туда-сюда, трётся об меня и так и норовит лизнуть. Огромная собака. Вообще, на вид странная: разве бывают собаки с такими леопардовыми пятнами? И морда у неё не

собачья, а лисья как будто. Она тычется ею в мой бок. Никто на неё не обращает внимания и почему-то не отгоняет от меня, а мне становится не по себе. Я замахваюсь на неё, чтобы прогнать. И она, неприятно взвизгнув, исчезает.

Светка, увидев, что я очухалась, начинает оживлённо тараторить:

– Кажется, мы испугались больше тебя. Когда маршрут-ку остановил кто-то у супермаркета – снаружи резко открыли дверь. А ты, наверно, не удержалась – жарко, поручень скользкий. В общем, кто-то вышел, кто-то зашёл, все куда-то торопились, разбежались кто куда, а водитель просто... уехал.

– Урод этот водила. Свалил – даже на секунду не задержался.

Выпалив это, Толик издаёт какой-то негодующий кричащий звук. Мне смешно. Хотя в самой ситуации забавного мало, конечно.

– Это самое, ребята, спасибо вам, что не свалили вместе с остальными.

Да уж, неловкая какая-то благодарственная речь вышла. И нелепая. Как и моя поза: то ли полулежачая, то ли полусидячая. Надо бы уже подняться, отряхнуться и уйти с обочины, а то ведь наверняка уже глазают все подряд скучающие мажоры из окон проезжающих тачек. Занятное зрелище перед ними предстаёт – что и говорить: растянувшаяся на асфальте то ли недопанк, то ли недохиппи. Где уж им знать, что я

на самом деле философствующий эстет, последовательница материалистов, безнадёжный сциентист: вот такое трёхглавое чудище, в общем, ха-ха.

– Так мы тебя ещё и домой проводим. Ты, наверно, тут недалеко живёшь? Мы тебя видели с Толиком утром пару раз – ты мимо больницы проходила. В школу шла, наверно.

Я неожиданно для самой себя соглашаюсь на предложение Вади. Никогда не привожу чужаков к себе домой. Но сейчас с удивлением признаю себе, что Светка, Вадя и Толик мне уже совсем не кажутся посторонними. Тогда, в маршрутке, я отнеслась к их компании с сарказмом и злой иронией. Куда это всё подевалось сейчас? Понятия не имею. Наверно, дело в том, что я им просто благодарна за помощь. И в этой моей благодарности, как в серной кислоте, растворилось моё первое впечатление о них. А может, дело в другом, и у меня к ним просыпается корыстный, а не человеческий интерес? Может, мне так хочется рассекретить их тайную движуху, связанную с визитами в больницу к лежащим там ребятам, что я готова даже начать считать их клёвыми чуваками? И относиться к ним именно так: как к клёвым чувакам, с которыми можно и нужно дружить. Лишь бы узнать, кого, как и зачем они спасают. Нет уж, это вряд ли. Сомнительно как-то. Никогда у меня не получалось заводить дружбу с «нужными людьми», изображать и вымучивать из себя какую-то симпатию. Если мне кто-то не нравится, то фиг меня заставишь! Наверно, это всё же благодарность. Или всё-таки же-

лание узнать их тайну? Вот блин! С ума сойдёшь от этого копания в своих мыслишках.

Мы идём вдоль трассы вчетвером. Я прихрамываю. Светка поддерживает меня под руку. «На всякий случай», как она говорит. Это даже трогательно как-то. У меня ведь и колени не саднят, и локти вроде целы. Только правая нога ноет немного. Сухожилие растянула, наверно. Вадя с Толиком шагают за нами. Поэтому разглядеть в подробностях могу пока только Светку. Правда, лишь боковым зрением. Чтoб она не заметила, что я пялюсь на неё. Я уже давно научилась смотреть на людей, при этом вроде как совсем на них не глядя.

Фиолетовый цвет волос, оказывается, Светке очень к лицу. Хотя я по-прежнему считаю его уже давно отжившим «трендом», безнадёжно устаревшим, и никто меня в этом не переубедит. Но этот фиалковый оттенок так здорово гармонирует с цветом её глаз, которые тоже кажутся фиалковыми! Я и представить не могла, что такой цвет глаз вообще бывает. То ли обрамляющие лицо пряди волос в них сейчас отражаются и придают им такой удивительный отлив, то ли это какая-то врождённая аномалия, но такой радужки я в жизни ни у одного человека не видела. А ещё лицо у неё такое... Не сказать, чтоб прямо эталон красоты, но очень привлекательное. За ним интересно наблюдать. Каждый, даже самый незначительный эпизодик из короткометражки под названием «Утренняя солнечная улица, месяц май», не оставляет это

лицо равнодушным. На увиденную по дороге яркую цветочную клумбу оно реагирует тёплым проблеском улыбки, надрывный рёв ребёнка в проезжающей мимо коляске наводит на него хмурую тень. Какой-то невероятной жизнью живёт это лицо. Сказочной жизнью. Светка мне сейчас представляется какой-то доброй волшебной феечкой. В лучшем из возможных воплощений такого персонажа. Правда, прикид у неё совсем не эльфийский – хипстерский какой-то. Сейчас это называется стрит-стайл, кажется – что-то похожее ношу и я сама, только цвета у меня поспокойнее, да и на Светке это всё выглядит более благородно, что ли. Жёлтые джинсы с прорезями на коленках и белая футболка с надписью «No stress». Но даже такое кричащее разноцветье Светкин образ не портит. Кажется, ей подошла бы любая одежда. Не только каких угодно расцветок, но и всяких-разных невообразимых стилей, причём даже в самых нелепых сочетаниях. Такое ощущение, будто я потихоньку начинаю подчиняться какой-то необъяснимой, но жутко притягательной Светкиной магии. И мне это нравится, чёрт возьми.

Сзади раздаётся вдруг мелодичный напев. Я удивлённо оборачиваюсь. Толик начинает гоготать и, почти задыхаясь, хлопает Вадю по плечу.

– Вадя, мы-то уже привыкли к твоим закидончикам, а наша новая знакомая, наверно, сейчас подумала: «Ну и фрик!». Понимаешь...

– Вера.

– Вот мы тормоза. До сих пор имени твоего не спросили. Понимаешь, Вера, он у нас композитор и вообще творческая личность. Новые мелодии сочиняет даже на ходу. Вот залетает в его голову одна, например, а он в это время не у компа. Так он постоянно напевает её, чтобы не забыть, пока доберётся до своей диджейской проги. Кстати, вот сейчас по-серьёзке, без приколов: пишет он крутяцкие треки. Знаешь, такая гремучая смесь эмбиента и синти-попа.

Толик снова раздражается залившимся хохотом. Наверно, из-за слова «попа». Тогда, в маршрутке, мне его повадки казались какой-то неуклюжей клоунадой. А перлы – приколами детсадовского уровня. Сейчас же меня его тирада даже забавляет. И я не могу удержаться от улыбки, глядя, как он продолжает задорно гоготать: он так забавно корчится и держится руками за свои пухлые бока, как будто боится, что вот-вот лопнет. Не слышно никаких мерзко-зловредных ноток в этом смехе. Да и вообще, видно, что Толик не злыдень какой-нибудь. И друзей подкалывает по-доброму.

Вадя во время нашего разговора не прекращает напевать придуманный им мотив. Как будто мы говорим совсем не о нём. И смотрит куда-то мимо нас. Да, чувак явно сейчас мысленно не с нами. Его светлые волосы всклокочены ветром, очки съехали на кончик носа, почти все пуговицы синей рубашки расстегнуты – а ему хоть бы что.

– Я люблю электронные стили. Эмбиент тоже слушаю иногда.

Моё признание возвращает Вадю в наш бранный мир. Он даже оживляется.

– Могу дать ссылку на мою творческую группу Вконтакте. Я там выкладываю все свои композиции. И иногда ещё пишу посты о том, что меня вдохновляет. У тебя есть страничка Вконтакте?

Вадя точно не от мира сего. А от того мира, из которого к нему приходит вдохновение, видимо. Я боюсь таких людей. Они кажутся мне какими-то бесплотными. Как призраки, время от времени забредающие в нашу реальность и снующие между нами, живыми людьми, невидимо, неощутимо, неслышно.

– Вадя, поздравляю, у тебя появилась новая подписчица. Фан-клуб расширяется.

Толик подмигивает Ваде и дружелюбно толкает его в бок. Но это не выводит того из задумчивости.

– А давайте Верочку в наш чатик пригласим! Там и ссылку ей отправишь, Вадя, – вдруг предлагает Светка.

Толик закусывает нижнюю губу и застывает в сомнении и нерешительности. Вадя всё ещё мысленно плавает в невесомости своего космоса. Мне становится жутко неловко. Такое чувство, что я – незванный гость, на которого с подозрением смотрит хозяин дома в узкую щёлочку приоткрытой двери. Кажется, их маленький уютный мирок ещё не готов меня впустить. Но тем больше мне хочется туда попасть. Как должен поступить незванный гость, чтобы подозрительность

хозяйина не превратилась в железобетонное нежелание впускать его? Уж явно не пытаться открыть дверь ногой. А сделать вид, что собирается уйти.

– Ну, ты мне можешь просто дать название своей группы, а я уже сама её найду как-нибудь.

– Да не вопрос, Светка тебя добавит в чат – она создала беседу, так что она и добавит.

Хоть Толик на словах вроде и соглашается, но глубокая складка между его сдвинутыми бровями всё никак не исчезает. Значит, всё ещё сомневается. Но мне, честно говоря, по фигу. Дверь приоткрывается чуть шире. Скоро мне дадут заглянуть внутрь. Тот самый любопытный «таракан» в моей голове ликует, мой внутренний псих весело скачет и вопит от радости. Вера Шацкая, философствующий эстет-шизик, как меня вечно обзывает в школе наш Пашка Балинский, из нелюдима и людоеда начинает превращаться в человека. Человека, способного нравиться окружающим. Даже несмотря на безобразное родимое пятно на лице, на которое эти ребята, в отличие от всех остальных человечков, не пялятся. И уж тем более не пытаются выяснить, а не ожог ли это, недосмытая грязь или, может, клеймо древнего проклятия. Как будто вообще его не заметили с самого начала и сейчас не видят.

Мы доходим до моего подъезда, Светка записывает мой ник в телефон. На скамейке играют в какую-то настолку черноглазые близнецы Мишаня и Кирюша – дети наших соседей сверху. Весело щебечут и хохочут, бросают кубики, передви-

гают фишки. Но они далеко не всегда такие милахи. Сейчас – один из тех редких моментов, когда они не пытаются обвалить наш потолок своими дикими скачками или заглушить музыку в моих колонках своим истошным улюлюканием.

– О, Веа, пйивет! – вопят они хором.

– Привет, пацаны. А вы чего не в садике?

– А у нас там каантин.

– Карантин? Ясно. Вы тут одни?

– Нет, мама там! – Мишаня показывает пальцем на окно второго этажа.

Я задираю голову и вижу за стеклом их мать, машущую мне рукой. Машу ей в ответ. Из всех соседей я общаюсь только с этими. Да и то только потому, что они с мужем иногда помогают бабуле по мелочам, когда я в школе. Для остальных жильцов нашего дома у меня всегда наготове кислотице «здрасте».

Трескотня Мишани и Кирюши становится всё громче и переходит в визгливые крики, так хорошо мне знакомые.

– Так несестно! Я победитель!

– Нет, это я выигал!

Мишаня смахивает со скамейки все игровые штуки, а Кирюша швыряет кубики так, что они, попав прямо в Толика, отскакивают от него и падают на асфальт.

– Пацаны, это вообще не по-пацански, – пытаюсь я утихомирить их, подойдя к скамейке. Эти двое жутко любят, когда с ними обращаются по-взрослому. – Сыграйте примири-

тельную партию. Кто выиграет – тот и победитель.

Близняшки, насупившись, затихают. Толик хмурится и поджимает губы. Видно, что он уже готов разразиться на всю округу ругательствами. Но, сделав над собой усилие, сдерживается. Нагнувшись, он поднимает с асфальта один кубик, потом – второй. Однако сразу не отдаёт их близнецам – как будто раздумывает, стоит ли это делать. Подойдя к нам поближе, он подносит к нашим лицам кулак, и когда разжимает пальцы, на ладони его мы видим две обыкновенные пластиковый игральные кости. Чёрные с белыми точками.

Вадя тщательнее всех нас разглядывает кубики и озвучивает то, что и так все видят:

– Выпало две шестёрки.

– И что это значит? – шепчет Светка, покусывая пряди своих сказочных волос.

– В смысле? Пытаетесь разглядеть в этом знак судьбы, что ли? – подтрунивает над ними Толик. – Народ, расслабьтесь: это просто проделка двух мелких орунов.

– Толя, они именно так лежали, когда ты их поднял? – спрашивает с серьёзнейшим видом Вадя, будто не замечая подколов Толика.

– Ну, да. Вроде так.

Вадя аккуратно берёт кубики и перекладывает их на свою ладонь.

– Надо понять, какое число нам хотели показать: шесть или двенадцать, – задумчиво произносит он, не отрывая

взгляда от белых точек на чёрном фоне.

– Кто хотел? Эти двое? Вааадяя, аууу, принимай сигнал с Земли!

Толик начинает трясти Вадю за плечи, пытаясь привести его в чувство. Мишаня подходит к Ваде и, дёргая его за рубашку, канючит:

– Куубики отдаай.

– Держи. Только больше ими не бросайся в людей, хорошо?

Вадя протягивает Мишане кубики.

– Хаашо.

Сверху раздаётся крик:

– А ну-ка, оба домой! Щас же!

Близнецы наперегонки бегут к подъезду и исчезают в нём. Вадя так и стоит с открытой ладонью, как будто на ней всё ещё лежат эти два кубика и он продолжает их разглядывать.

– Дома подумаю над числами. Может, важна шестёрка. Но, скорее всего, всё-таки число двенадцать.

Толик пожимает плечами и примирительно хмыкает.

– Как хочешь, братан. Хоть на кофейной гуще гадай. Только не увлекайся. Ну, что, двигаем? Нас сегодня ещё ждёт долгий тернистый путь к знаниям.

Светка вдруг, вытаращив свои и так огромные глаза, произносит с придыханием:

– Обалдеть! Ребята, да чего тут гадать? Сегодня же двенадцатое число, забыли? Вот так совпадение! Одно на мил-

лион.

Вадя продолжает молча рассматривать невидимые кубики у себя на ладони.

– Это не может объясняться так просто.

– Просто?

Светка явно обескуражена тем, что её «открытие» так обесценили. Она продолжает неподвижно стоять, широко расставив ноги, растопырив пальцы на руках и хлопая большими фиалковыми глазами. Смешная.

– Да ты не усложняй, братан. Давай, возвращайся к нам. Полёт окончен. И ты выдыхай, Светка.

Толик выводит друзей из состояния космической зачарованности и с размаху швыряет на грешную землю.

– Вы сейчас в школу? – спрашиваю я.

– Ага, кэп. Каждый в свою.

С этими словами Толик делает мне реверанс. С подскоком. Выглядит это, конечно, ну очень комично. Я еле сдерживаю рвущийся наружу смех.

– Ладно, Верунь, спишемся! Я твой ник записала, найду тебя и добавлю в нашу беседу.

Светка усиленно машет мне обеими руками, Толик и Вадя просто молча кивают. Обменявшись стандартным набором любезностей на прощание, мы расходимся. Вернее, они уходят, а я, зайдя в подъезд, прикрываю за собой дверь и через узкую щёлочку смотрю им вслед. Интересно, обернутся или нет.

Внезапно я замечаю, что за ними следом кто-то семенит. Собака. Та самая. Она снова материализовалась из воздуха. Её ведь точно не было поблизости, когда мы шли к моему дому, когда разговаривали, стоя у подъезда. Крупное тело и пятнистая шерсть. Вот она, будто почуяв моё присутствие и мой к ней интерес, останавливается и оборачивается ко мне. Нет, морда всё-таки не лисья, как мне показалось сначала, а волчья. В общем, дикая какая-то – совсем не собачья. Выйдя из подъезда, с опаской подхожу ближе, чтобы разглядеть её получше. И тут замираю на месте, не веря своей догадке. Точно. Пятнистая гиена. Мерзкий падальщик, появляющийся сразу же, едва почуяв запах смерти. Но как? Откуда? Почему здесь?! Наверно, я всё-таки слишком неудачно приземлилась на асфальт, выпав из маршрутки. От какого-нибудь микросотрясения вполне могут появиться видения. Всё объяснимо, всё научно доказуемо, я верю только в науку. Будто в ответ на мои мысли вдалеке раздаётся то ли человеческий, то ли звериный визгливый хохот. Раскрыв пасть и ощерившись, гиена сотрясается всем телом, насмехаясь над моим неверием. Нахохотавшись вволю, она разворачивается и бежит вприпрыжку, спеша догнать моих новых знакомых, которые ушли уже довольно далеко. Да она уже не одна! Непонятно откуда и как рядом с ней возникают ещё две. Теперь их трое: ровно столько же, сколько ребят, за которыми они следуют по пятам.

Глава 3

Я звоню классной и предупреждаю, что в школе меня сегодня не будет. Уровень сознательности прямо зашкаливает. Ничего не могу с этим поделать. Нога, кажется, болит ещё сильнее. Противная такая тянущая боль. Устраиваюсь поудобнее в кресле и беру со столика уже знатно потрёпанный томик Ницше. Надеюсь дочитать сегодня его «Человеческое, слишком человеческое». Книжки по-любому интереснее людей, так было всегда, и вряд ли я когда-нибудь изменю своё мнение. Но перелистнув пару-тройку страниц, понимаю, что надолго меня не хватит. Внутри что-то тупо, неутрахающе, болезненно ноет и не даёт сосредоточиться. Я откладываю книгу, но браться за другое занятие тоже совсем не хочется. Никогда ещё не было такого, чтобы мне с самой собой было скучно. Так вдруг пронзает желание увидеть бабулю. Поскорее бы она вернулась с работы. В ушах всё ещё звенит хохот пятнистого падальщика. Конечно, мне всё это только послышалось, а сама гиена – привиделась. Точнее, три гиены. Но... брррр, как жутко от одного лишь воспоминания о прикосновениях этой визгливой твари ко мне! О том, как она тёрлась об меня, как её холодный мокрый нос тыкался мне в щёку, в руку. А ведь они вот этими самыми мордами своими копаются в том, что остаётся от... Ну, хватит. Я забываю. Забываю. Уже забыла.

Да нет, не в падальшике дело. Кажется, эти трое заразили меня сегодня кое-чем похуже любой галлюцинации и вообще всякой болячки: тоской по людям. Удивительно. Вдруг вспоминается мать, которой я никогда не знала. Бабуля мне о ней рассказывала нехотя, какими-то урывками и угрюмо поджимала губы, когда я у неё пыталась что-то разузнать. Может, сегодня снова попытаюсь. Только вот сомневаюсь, что удастся вытянуть из неё хоть слово на эту тему. Единственное, что она не отрицает, – это то, что моя мать жива. Но где она и что с ней – я не знаю. Хотя имею полное право знать. Полное законное право.

Неужели у бабули не сохранилось никаких фотографий? Что между ними могло произойти такого, после чего они не просто перестали общаться, но оборвали все связи? Навсегда и безвозвратно. Я ведь чувствую, что там, в прошлом, был какой-то мегаскандал. Всякие бытовые, повседневные мелочи не разводят людей в разные стороны на всю жизнь. Но что бы там у них ни случилось, должны же были здесь остаться хоть какие-то следы моей матери. То, чем она жила когда-то. То, из чего можно было бы сейчас собрать её образ. Странно, что судьба отца меня не волнует абсолютно. Никогда по нему не тосковала и не пыталась даже вспомнить его черты. А мать... Одно время мне чуть ли не каждую ночь снилась какая-то женщина, которая вела себя со мной так, как вела бы мать, наверно, но черты её были размыты и сам образ виделся как в дымке мутной. Отца в этих снах не бы-

ло. Да и был ли он вообще когда-то в моей жизни? Может, бросил нас ещё даже до моего рождения.

Доковыляв до древней, пошарпанной советской стенки, я открываю самый большой шкаф. Наверно, эта мебель ещё времён бабули моей бабули. Аккуратно перебираю хлам на полках. Стараюсь оставлять всё в том же виде и на том же месте, откуда беру. Чтобы потом меня не уличили в «несанкционированном проникновении». После шкафа исследую секретер, ящики. Кроме кипы моих детских фотографий, на которых я то с каким-то плюшевым котом, то со связкой разноцветных воздушных шариков, ничего не находится. Попадает пара чёрно-белых, пожелтевших от старости карточек, с которых мне улыбаются молодые и счастливые бабуля с дедой Ваней: то выглядывая из-за ствола цветущей вишни, то на фоне какого-то неизвестного мне памятника без головы. Матери ни на одной из них нет. Бабуля решил переписать историю нашей семьи на новый лад. Вычеркнув из списка действующих лиц одного персонажа. Только в этой новой истории тогда и мне нет места. Потому что родила меня мать, а не бабуля. Если матери вроде как не было, то и меня вроде как нет. Я не пылаю к ней дочерними чувствами. Откуда им взяться? Да и до сегодняшнего дня я не особо терзала бабулю вопросами о матери. И уж тем более не копалась в её бумагах. Но Светка, Вадя и Толик, видимо, соскоблили сегодня с моей душонки, если она вообще у меня есть, верхний задубевший слой. И при этом задели какой-то

особо чувствительный нерв. Вот он-то у меня сейчас и ноет внутри. Тупо, неутрачивающе, болезненно. Это что-то человеческое. Слишком человеческое.

Я продолжаю на автопилоте рыться в ящиках тумбы, уже не надеясь на удачу. Здесь только тряпьё. Правда, Голливуд нас убеждает, что именно в таких неожиданных местах и могут скрываться всякие тайники. Когда рука нащупывает какую-то жестяную коробку, мне становится смешно. Ну, всё как по голливудскому сценарию прямо. И я в главной роли расхитительницы – крутяк! Но это всего лишь колода карт. Кажется, самодельных. Они сильно потрёпаны. У некоторых оторван уголок, какие-то – в изломах и потёртостях. Я раскрываю их веером. Картинки какие-то не очень привлекательные. Нарисованы от руки и, в принципе, неплохо, но сами сюжеты... Вообще, это вроде бы Торо. Или Таро. Что-то типа этого. Неужели бабуля когда-то всеми этими гаданиями занималась? А вдруг занимается и сейчас? Ещё и карты рисовала сама, может? Или это мамины карты, потому бабуля их и прячет? Бред какой-то. Как можно верить в эту чушь? Мой мозг материалиста и скептика не признаёт такое. Как можно тратить на такую ерунду драгоценное время? Однако именно это я сейчас и делаю сама. Никак не могу выпустить колоду из рук. Она толстенная просто. На картах арабскими цифрами от руки написаны их номера. Есть ещё слова какие-то. Маг, Отшельник, Сила, жезлы, пентакли... Интересно, сколько их всего. Рассыпаю карты по полу. В го-

лову вдруг приходит забавная идея: разложить их по порядку. Выискиваю каждую карту и выкладываю их в ряд: одну за другой. Выложила одиннадцатую. Ищу двенадцатую, но никак не могу найти. Залезаю даже в ящик – вдруг выпала и осталась там среди вещей. Тоже нет. Пропускаю номер двенадцать и продолжаю свой карточный квест. Все остальные карты на месте. Всего их семьдесят восемь.

Мысль о пропавшей карте под номером двенадцать не даёт мне покоя и застревает в голове противной занозой. Я ковыляю к столу с компом и тут же призываю гугл помочь мне понять, что это за карта и какие у неё значения. Ясно, что к бабуле обращаться за разъяснениями было бы полным идиотизмом. Я нахожу в галерее ту колоду, стиль рисовки которой делает её ну очень похожей на ту, что я вытащила из ящика. С двенадцатой карты на меня смотрит застывшим взглядом... повешенный человек. Название карты – Повешенный. Мужчина с нимбом подвешен за одну ногу на дереве. И вот эта нога прямая, как палка. А вторая согнута в колене. Само дерево похоже и на виселицу, и на крест одновременно. Лицо повешенного не выражает абсолютно ничего – точнее, выражает абсолютную пустоту. Как будто этот человек уже смирился со своей участью и принял все страдания, как должное. И ни на что больше не надеется. На спасение – уж точно. Жуть жуткая. Страшно теперь читать значение карты. Откуда вот только взялся этот страх? Чувство такое, будто все внутренности съёживаются и скукоживаются. Всё

это гадальное и потустороннее всегда было таким далёким от меня, а потому казалось смутным, непонятным, бессмысленным, не стоящим времени и внимания. Да каким угодно, только не пугающим. Сейчас же мысль о числе двенадцать колким холодком пробегает по нервным окончаниям всего тела, будто проверяет их на живость и способность откликаться, реагировать на страх.

Что ж, первое значение карты не предвещает пока ничего однозначно трагичного. Перемены. Они ведь могут быть и к лучшему. Правда, меня смущает уточнение о том, что перемены эти потребуют некоторых жертв. Надеюсь, не человеческих хоть? Дальше пишут о свободе выбора. Можно будет либо оставить всё как есть и ничего не менять в жизни, либо выбрать достижение цели, но за это придётся дорого заплатить. Ещё один вариант трактовки карты – сложные жизненные ситуации, которые невозможно изменить и остаётся только принять. Ну, судя по лицу этого подвешенного за ногу мужика, он уже давно эту невозможность осознал. Только вот она его не особо тревожит.

Число двенадцать. В голове щёлкает переключатель, и сквозь какие-то эфирные помехи неведомая радиоволна снова приносит мне уже слышанные сегодня фразы:

«Выпало две шестёрки».

«Надо понять, какое число нам хотели показать: шесть или двенадцать».

Двенадцать нам хотели показать, Вадя, двенадцать. Он

ещё обещал подумать над значением двенадцати – «слишком простое» объяснение Светки его не убедило. Тогда я отнеслась к этому примерно так же, как Толик. Разве что не рассмеялась Ваде в лицо, как он. А теперь вот мне не терпится узнать, что удалось разузнать Ваде. Что он там надумал. Какие ассоциации у него возникли. Когда же Светка меня найдёт и добавит в беседу? Незваные и пугающие знания о символике двенадцатой карты Таро упираются внутри в стенки черепа, как железные распорки, – голова вот-вот разорвётся на части. Если я в ближайшие дни, а то и часы кому-нибудь это не расскажу, именно такое и случится. Но некому, блин, некому! Бабуля отчитает за то, что я копалась в её вещах, а немногие приятели сочтут помешанной. Да и я бы на такое заявление точно так же отреагировала. Не могу никак понять и принять всё то, что на меня так внезапно свалилось и оглушило напрочь, но и отрицать уже не вижу смысла. Всё то, над чем я ещё недавно усмехалась скептически, недоверчиво и даже презрительно, теперь смотрит на меня в упор с оскалом победоносной улыбки. Ощерившись, как... хохочущая пятнистая гиена.

От звука крутящегося в замочной скважине ключа я вздрагиваю.

– Веруша? Ты дома?

Молниеносно собираю карты и кладу их обратно в коробку, которую тут же засовываю в ящик, прикрываю её одеждой. Вроде бы всё сейчас так, как было до моего вторжения.

Захлопываю ящик.

– Да, бабуль. Чего так рано?

– Напарница предложила заменить меня после обеда, а в среду я поработаю две смены.

– Как покупатели сегодня? Придурки не забредали?

– Веруша, ну что ты такое говоришь! Все люди как люди.

Эх, бабуля. Её человеколюбие неискоренимо.

– Ну, хорошо, как скажешь. Люди – значит, люди. Хотя согласись, что попадаются ведь редкие экземпляры, которых надо как-то по-особому называть. Чтобы отличать от остальных.

– Не философствуй почём зря. Садись вон лучше к столу, я борщ сейчас разогрею. А ты-то чего раньше вернулась? Меньше уроков было?

– Только не паникуй. Я подвернула ногу. Неудачное падение – это если кратко о том, что случилось.

– Да ты что! Как же так? У меня мазь есть. Надо сразу намазать, чтобы быстрее прошло.

– Бабуля, успеем ещё намазать.

– Ладно, тебя всё равно не переубедишь. Но перед сном прослежу, чтоб обязательно намазала.

Я недовольно закатываю глаза и шумно вздыхаю. Поэтому бабуля благоразумно решает сменить тему.

– Кстати, вечером тётя Лена с Ромкой придут в гости.

Ромка забавный. Рыжий, веснушчатый, весёлый и задорный мальчишка. Как только он появляется на пороге моей

комнаты, у меня тут же поднимается настроение. Рядом с десятилетним Ромкой я и сама чувствую себя десятилетней: бабуля говорит, что играя вместе, дурачась и визжа, мы производим впечатление ровесников. Сегодняшний визит Ромки, надеюсь, выбьет из моей головы то, что в ней прочно засело и извивается там неугомным червём. Может, ещё утихомирит мою внутреннюю панику.

В общем-то, я была права: вечером Ромке удаётся развеять мою тоску-печаль. В комнату заходит тётя Лена. Мне становится не по себе – как и всегда в её присутствии. Она мало со мной говорит – больше смотрит, как будто наблюдает. И вот этот её изучающий взгляд очень меня напрягает. Чувствую себя какой-то лабораторной зверушкой в стеклянном аквариуме. Тётя Лена такая же рыжая, как Ромка, только веснушек у неё почти нет. Кожа – белая-белая, прямо сверкает белизной. Но вот спроси меня, какого цвета её глаза, какой формы нос – так мне и ответить будет нечего. Её лицо – это какая-то размытая и недоступная для моего понимания абстракция. Я вижу целое, но не вижу детали. Чтобы их разглядеть, надо приблизиться. Или, наоборот, отойти подальше. Но я почему-то не могу сделать ни того, ни другого. Примерно так же размыто, не различая черт лица, я видела ту женщину во снах, которая меня по-матерински ласкала, но будто издалека, как бы не касаясь меня. Может, это и не мать мне снилась вовсе, потому что разве не должен образ матери до мельчайших деталей отпечатываться на под-

корке сознания ещё в момент рождения? Или даже до него. Разве это уже не доказано наукой? Да и об экспериментах я, кажется, читала, когда повзрослевшие дети, не видевшие всю жизнь своих матерей, узнавали их среди многих других подставных. Может, это и не мать приходила ко мне во снах, а какая-то чужая, смутно знакомая женщина. Или хорошая знакомая – вроде тёти Лены. Я ведь за все эти ночи так и не разглядела её лица, как до сих пор не могу рассмотреть черты тёти Лены. Если бы там была мать, я точно должна была её узнать. Или все эти эксперименты – полный развод и запудривание мозгов. Но если уж наука так меня разочарует, то больше просто не во что будет верить.

Если честно, именно сегодня я немного завидую Ромке. Вообще, тётя Лена кажется мне достойной матерью. Она и не слишком донимает его своей опекой, и в то же время он всегда хорошо одет, сыт и доволен. Хотела бы я сама иметь такую или вообще любую мать? После сегодняшней встречи со Светкой и компанией мне показалось, что да. Смогла бы она дать мне то ощущение, нехватка которого саднит сейчас где-то глубоко внутри? Ощущение присутствия рядом чего-то человеческого: понимающего, сострадающего, готового принять, утешить и пожалеть. Я не знаю. Не только в ней, но ещё и в себе самой я не уверена: смогла бы я справиться с ролью благодарной, послушной, любящей дочери? Может, некий режиссёр-постановщик решил, что нет. И поэтому отдал эту роль кому-то другому, отняв её у меня – как

и мою мать. Странные мысли лезут в голову. Антинаучные.

Глава 4

Проходит два дня. В школу я пока не хожу. Нога всё так же ноет. Бабулина мазь снимает боль только на пару часов. Светка всё не пишет. Вадя – тоже. Число двенадцать мне уже снится в виде двух бредущих под руку незнакомых стариков: деда в форме единицы и бабушки в форме двойки. Увидев меня, они останавливаются и оба грозят мне указательным пальцем. Предупреждают? Или осуждают? Одноклассники на моём месте уже давно залезли бы в какой-нибудь онлайн-сонник. А меня никто не переубедит, что сны – это просто выкрутасы мозга и сознания. И ни с чем таким потусторонним они не связаны – только с нашей черепной коробкой. Всё научно объяснимо. Или опровержимо. Абсолютно всё. И визгливо хохочущая гиена была просто глюком.

Я начинаю даже злиться на эту троицу, которая пробила мою крепостную стену, забросила в эту дыру горсть зловредных семян – и дала дёру. И вот теперь всё это во мне начинает прорасти и цвести буйным цветом: тоска по людям, желание поговорить с кем-то пусть даже ни о чём, но так, чтобы слова мои находили какой-то отклик, а не просто рассыпались вокруг меня, как горох по полу. Всё это жутко мучительно. Эти трое показали мне сквозь пробоину в стене моего одиночества свою весёлую, дружную, душевную компанию – и где она сейчас? Я тайно надеялась стать её частью. Да

и мне почти пообещали это! «Дивный новый мир» пообещали. И что теперь? А ещё я надеялась, уж если совсем по чесноку, разузнать тайну их больничных посещений. Что всё-таки меня мучает больше сейчас? Тоска по этим ребятам, ностальгия даже не о часах, а о десятках минут, проведённых вместе с ними? Или неудовлетворённое любопытство? Если уж быть честной с собой до конца. Но по большому счёту, кто я для них такая? Ничего они мне не должны, как и я – им. Когда смотришь этой простой правде в лицо, становится очень грустно. Никто никому ничего не должен.

Как только открываю страницу с диалогами, начинаю её постоянно обновлять – палец не убираю с клавиши F5 ни на секунду. Чувствую, что превращаюсь в параноика. Я уже не говорю о том, что изображение повешенного с двенадцатой карты то и дело всплывает в мыслях. Его безразличное лицо, его виселица в форме креста. Если не повешенный, так мерещатся те две игральные кости с двумя выпавшими шестёрками у Вади на ладони. Мда, паранойя всё ближе. Наверно, это всё от безделья и скуки. Лучше бы в школе сидела на занятиях – хоть как-то отвлеклась бы. А Ницше сейчас только усугубляет всё, запутывает, уводит меня всё глубже в чащу, где и водятся самые опасные мои внутренние «тараканы». Хотя обычно, наоборот, благодаря ему вещи, явления, да и сама жизнь – всё начинает казаться вдруг более простым, понятным, реальным. У Ницше всё вообще гораздо проще, чем у его собратьев – чего от него все так бегут,

как от зачумлённого?

Вечером я, отчаявшись, да и банально устав ждать, усаживаюсь рядом с бабулей на диван и смотрю вместе с ней какой-то идиотский сериал без начала и конца. Вся эта припудренная неживая жизнь на экране с её монотонными, повторяющимися движениями, предсказуемыми сценарными эмоциями вызывает у меня тошноту и головокружение. Так же, как катание на карусели в детстве, когда бабуля меня крутила и крутила, и к горлу что-то вязкое подкатывало. Мне было плохо и безумно радостно одновременно, поэтому я не просила её остановить меня. Вот и сейчас так. Один круг за другим. Я теряю равновесие и проваливаюсь в ватную яму. Повешенный уже тоже там, всё так же болтается на своей виселице, которая торчит из самого дна ямы, а верхушка её пронзает небо. А Светка, Вадя, Толик стоят надо мной, у самого края. Они протягивают мне руки, но если я подпрыгну, то не достану даже до кончиков их пальцев. Остаётся одно: карабкаться по виселице. Я хватаюсь за деревянный столб, но он вымазан чем-то маслянистым, поэтому руки мои всё время соскальзывают. Где-то неподалёку раздаётся квакающий звук. Прислушиваюсь, но не могу понять, кто это или что это; присматриваюсь, но источник звука не обнаруживаю. От бессилия яростно бью кулаками в липкий столб. А рядом – всё то же квак-квак-квак...

– Квакает там что-то у тебя, Верунь.

– Что?

Я вскакиваю с дивана раньше, чем успеваю разлепить глаза.

– В компьютере там у тебя что-то громко квакнуло несколько раз.

В голове такая же ватная пустота сейчас, как в той яме, куда я угодила недавно. В ноутбуке всё ещё открыта страница Вконтакте с диалогами. «Квакнули» там несколько полученных сообщений. А ещё там появилась новая беседа. А ещё – уведомление о новом друге. А ещё... я с облегчением выдыхаю. Это не эйфория, а именно облегчение и спокойная такая, тихая радость. Просто я слишком долго этого ждала.

Оказывается, Светка уже добавила меня в друзья, включила в беседу и написала сообщение, в котором здоровается, спрашивает, как моя нога, и приправляет это всё россыпью милых смайликов. Я пытаюсь не выдать себя: не хочу, чтобы моё нетерпеливое, мучительное ожидание хоть какой-то весточки от их компании было заметным. Ещё не хватало, чтобы меня посчитали безнадёжной одиночкой, цепляющейся сейчас за спасительную верёвочку человеческого общения. Поэтому отвечаю Светке не сразу. Хочу немного помучить её, чтобы она испытала то же, что я за последние два дня. Но это не со зла. Это так... «в воспитательных целях». Ну, и чтобы они там не возомнили ничего о себе. Тут мне вспоминаются их руки, которые они мне протягивали, стоя на краю ямы. Спасатели одиночек, блин. Да это всё был полубред, полусон всего лишь. Про яму эту. А вот в реальности

они, кажется, и вправду кого-то спасают. Как бы это всё-таки узнать? Если спрашивать, то только у Светки в личке – в общей беседе стыдно, неудобно как-то, не хочу выставлять себя любопытствующей прилипалой.

Светке отправляю ответное сообщение с предсказуемым набором смайликов. Нога ещё побаливает, но дело идёт на поправку. Спасибо за заботу. И всё такое прочее. В беседе пока ничего интересного не вижу. Жаль, что правила не позволяют новому участнику видеть всю ту переписку, что велась до его появления. Иначе ответы на мои вопросы тут же и нашлись бы: все в одном месте. Вадя сразу же скидывает мне обещанную ссылку на свою творческую группу. Я ему тогда, при встрече, сказала правду: если я и слушаю музыку, то только электронную. Из всех стилей только эмбиент способен подхватить меня, раскрутить и зашвырнуть высоко и далеко. И там, в далёком нигде или везде, я то ли плаваю, то ли парю легко и беззаботно, как космонавт в невесомости. Только вот я не стала рассказывать Ваде о том, что в последнее время у меня в ушах чаще всего звучит тишина – стерильная, без малейших примесей. Та, разбавлять которую ничем не хочется. Каждому нужно время от времени причаливать к такому вот островку тишины: на нём ты становишься недосыгаемым ни для чего и ни для кого – а значит, неуязвимым.

В Вадиной группе каждый его новый трек оформлен как творческая запись на стене: сначала – текст о том, что вдох-

новило автора на создание мелодии, чуть ниже – полуабстрактная картинка, а потом и сам трек. Я выбираю «Звёздный дождь». Как только начинает играть музыка, я слышу звон разбивающихся вдребезги звёзд. Осколки сыплются и сыплются, стекают струями по лицам и телам, по домам и деревьям. Этот бесконечный звенящий поток не остановить. Струи собираются на асфальте в огромные лужи и мелкие лужицы. Музыка осыпающихся звёзд не режет слух, а успокаивает его и даже излечивает от неприятного, раздражающего шума, которым наполнены будни. Она заставляет просто забыть этот шум и уже кажется, будто никогда никаких других звуков ты больше не слышал, кроме звона разбивающихся вдребезги звёзд. Я и не знала, что могу так думать о музыке. Если бы кто-то чуть раньше описал мне такие ощущения, я бы точно сказала ему, что всё это антинаучный эзотерический бред.

В тексте написано о метеорном потоке, который можно было наблюдать шестого мая. Его «прародитель» – комета Галлея. На прикреплённой к посту картинке – испещряющие чёрное небо хвостатые звёзды.

Мне представляется Вадя, который с закрытыми глазами перебирает клавиши синтезатора, а потом – компа, пытаюсь выразить то трудновыразимое, что звучит у него внутри и просится в мир. Помню, он говорил в день нашего знакомства: сначала мелодию нужно сыграть, чтобы прочувствовать её живой нерв кончиками пальцев. Чтобы от соприкоснове-

ния этого нерва с самыми чувствительными твоими рецепторами возник электрический разряд. А потом уже работать над треком в компьютерной программе. Трек должен рождаться из живой мелодии, а иначе это будет просто мёртвое, невразумительное дребезжание.

Я: Вадя, я послушала «Звёздный дождь» – трек очень здоровский, ты молодец! Если бы не знала, что ты автор, то никогда бы не подумала, что это мог написать подросток, мой ровесник.

Света: Когда Вадя только начал выкладывать треки, многие писали ему, что не верят в его авторство. Некоторые даже троллили его.

Толик: Ещё каких-то два года – и Вадя уже будет серьёзным таким юношей, а не подростком. Как и мы все. Нацепит костюмчик, начнёт заливать свои фотки в серьёзных позах, писать политические посты, а не про эти все звёздочки и космос. И тогда никто уже не будет сомневаться, что он и есть автор.

Долго ещё мы болтаем обо всём и ни о чём. А я всё не решаюсь спросить у Вади, что он надумал о числе двенадцать. Кто-то невидимый как будто прикладывает палец к моим губам, призывая молчать. Чем дольше я не буду задавать этот вопрос, тем позже я узнаю и пойму... что? Что выпавшее на кубиках число и номер пропавшей карты – это не случайное совпадение, а зловещая закономерность, которая потянет за собой цепочку каких-то событий? В моей жизни, в их жиз-

ни, в нашей общей теперь жизни. А ведь механизм уже запущен как минимум в моей голове. Мысли о карте и числе без остановки крутятся внутри неугомонными зубчатыми колёсиками, и пока они крутятся, в ушах что-то тихо, но неотвязно тикает: тик-тик-так, тик-тик-так. До сих пор, в последние несколько дней, я этого тиканья не замечала. Или делала вид, что не слышу. А сейчас оно заявляет о себе настойчиво, неумолимо. И моё вечное неверие, моё здравомыслие, мой скепсис вот-вот дрогнут под этим натиском. А насмешливый визгливый хохот пятнистой гиены вот-вот снова взбудоражит мой слух, заявляя о том, что научно недоказуемое тоже имеет право на жизнь. Похоже, у меня нет выбора: промолчу ли я о карте, не стану ли спрашивать Вадю о числе двенадцать, – всё равно тикающий механизм это уже не остановит, не заглушит, не выключит.

Но вместо того, чтобы задать Ваде неизбежный вопрос, я неожиданно для самой себя пишу в личку Светке совсем другой. Но тот, что тоже мне не даёт покоя со дня нашей встречи.

Я: Свет, а я вот что вспомнила: пару раз, когда проходила мимо больницы, видела там Вадю и Толика. Тогда я, конечно, не знала, что это они. А позавчера, после того случая в маршрутке, поняла, что мне их лица знакомы. Представляешь?

Я не знаю, как подступиться к главному вопросу, чтобы не спугнуть Светку своим любопытством. Но она, сама того не

зная, здорово помогает мне: не дожидаясь лишних уточнений и объяснений от меня, начинает раскрывать потихоньку ту самую «тайну».

Света: А, так я тоже с ними была. Ты меня не видела потому, что я вечно задерживаюсь в палате дольше всех. Видимо, я и те пару раз тоже всё ещё была в палате, а они меня внизу ждали.

Я: А вы там кого-то из общих друзей навещали? Если это не секрет, конечно.

Света: Ха-ха, ну ты даёшь, никакого секрета! Мы волонтеры. Реабилитационные (до сих пор не могу это выговорить вслух). Оказываем психологическую помощь ребятам примерно нашего возраста, которые... Ну, в общем, неудавшимся суицидникам, как их называет наш Толик.

Ого. Вот это поворот. Крутой вираж прямо.

Я: Здорово. Это, наверно, жутко сложно.

Света: Да ничего такого уж сложного. Мы просто разговариваем с ними. Настраиваем на позитивную волну. Всеми возможными способами. Но главный способ – это рассказ о нашем собственном опыте. Как говорит наш руководитель, важно показать им на своём примере, что после этого можно и нужно жить дальше. Как нормальный человек жить. Договориться с собой просто надо. Не гнобить себя за то, что когда-то поддался минутной слабости. Простить себя за это, понимаешь?

Я: То есть как? Вы, значит...

Света: Ну, да. Мы все тоже самоубийцы-неудачники, Верочка.

Я не знаю, как реагировать на такое признание. Написать, как я рада, что когда они хотели это с собой сделать, у них ничего не получилось? Или посочувствовать как-то? Или расспросить о том, что они ощущали, стоя на краю жизни? Всё это не то, совсем не то. На самом деле, я хочу узнать другое. Я хочу узнать, можно ли мне...

Я: А можно мне как-нибудь пойти туда с вами? Можно мне тоже стать волонтером?

Света: Я поговорю с руководителем нашей группы, но думаю, что можно. Тебе надо будет с ним встретиться, он тебе задаст кое-какие вопросы, даст инструкции. Верочка, а ты сама... ты сама когда-нибудь пыталась? Извини за такой вопрос в лоб, конечно.

Вот сейчас главное – не облажаться и правильно ответить. Это боевое крещение. Проверка на пригодность. Если я не пройду её, то их круг передо мной замкнётся, и я никогда не войду в него.

Я: Да не парься. Откровенность за откровенность. Честно говоря, не люблю об этом вспоминать. Но было дело, да.

Я надеюсь, что Светка не начнёт у меня прямо сейчас выпрашивать, как именно «было дело». Потому что я ещё толком этого не придумала. До встречи с их руководителем успею сочинить что-нибудь. Блин, да что же это такое? Нет,

это уже не просто мечта подружиться с трогательной Светкой, Толиком-хохотуном и Вадей-мечтателем, стать для них своей. Безумное, пугающее ощущение: я сейчас – та самая гиена, я сама падальщик, чувствующий запах смерти изда-лека. Какой-то совсем не человеческий инстинкт помыкает сейчас мной и гонит меня вперёд: я готова врать, выкручиваться, вертеться, как уж на сковороде – только бы добраться до жертвы, трепыхающейся в когтях смерти, и насытиться вдоволь её страхом. Предсмертным страхом, пока он ещё свеж. Бррр. Что за криповые мыслишки? Бегу в ванную, включаю душ и направляю пучок холодных струек себе прямо в лицо. Я человек, человек, человек. Я всего лишь заболела зудящей тоской по людям, меня заразили ею вот эти трое, и мне надо стать частью их компании, чтобы вылечиться. И вид подростков, постоявших на пороге смерти, напуганных открывшимся им адом и потому боящихся туда вернуться снова, меня не раззадорит, как свежая кровь – акулу. Я просто загляну через щёлочку приоткрытой ими двери туда, куда живым без ключа нет доступа – тем живым, кто не пытался приблизиться к порогу. И узнаю, что там на самом деле. Это любопытство. Человеческое. Фуууххх, глубокий выдох.

Глава 5

Суицидников я всегда считала слабаками. Особого сочувствия или жалости хотя бы они у меня не вызывали. Жалея я больше их близких, которым приходилось расхлёбывать все последствия этого необдуманного поступка и страдать из-за своих непутёвых родственников. Во всех новостях или статьях на эту тему ни разу я не видела каких-то внятных объяснений тех причин, которые толкнули этих людей на такой шаг. Всё, что там выдавалось за «истинные мотивы» – это какая-то абстрактная ерунда вроде непонимания со стороны окружающих, потери жизненных ориентиров и прочей дребедени. В общем, такие причины даже и причинами толком не назовёшь. Мне кажется, на самом деле, сами герои этих репортажей и заметок вряд ли осознавали, почему решили именно так закончить свою жизнь. Ещё я думала, что, возможно, никаких мотивов вообще нет, не было никогда, да и быть не может. Просто в какой-то момент внутри раздаётся определённый сигнал, который эти люди воспринимают как отмашку: всё, пора. Как школьный звонок, возвещающий о конце урока. Когда у меня впервые возникла мысль о таком вот звоночке, вместе с ней появился ещё один оттенок отношения к самоубийцам: интерес вперемешку с любопытством.

Но когда я услышала от руководителя группы историю

Алика, вся моя складная и такая логичная теория рухнула. Остался только один кирпичик от неё: предположение о неведомом внутреннем сигнале, толкающем человека к краю. До нашей общей встречи руководитель поговорил со мной наедине. Он задавал мне обычные вопросы без всяких заморочек и подковырок – явно не собирался меня подлавливать на чём-то. А я так и не решилась выдать какую-нибудь грандиозную ложь о своём якобы суицидальном прошлом. То ли совесть заела, то ли просто побоялась облажаться. Поэтому сказала лишь, что у меня были суицидальные мысли и склонности, которые чуть не довели меня до попыток перейти грань, но с мыслями этими я сама успешно справилась – вот и всё. И ещё выразила желание стать частью волонтерской группы. Руководитель решил, что на первых порах я буду просто наблюдателем: то есть я могу ходить с ребятами на задания, но принимать участие в беседах мне пока рановато. Моё первое задание – визит к Алику.

И вот мы все четверо здесь, у него в палате. Я снова прокручиваю в голове плёнку событий его жизни: всё то, что рассказал о нём руководитель. Алику пятнадцать лет. Не обучаясь в художке, он рисует, как профессионал, получает дипломы на всех школьных олимпиадах, собирает собственную библиотеку. Круглый отличник по всем предметам. Точнее, рисовал, получал, собирал, был. Сейчас он – пациент больницы. На больничной койке он почти незаметен – от него, на самом деле, мало что осталось. Во всех смыслах.

Я не хочу запоминать его мраморное лицо, жалкие тонкие пряди белёсых волос, тусклое мерцание водянисто-голубых неподвижных глаз. Хочу, но не могу не запомнить.

Алик пытался повеситься на ремне, привязав его к вешалке-крючку для одежды в своей комнате. Планка с крючками не выдержала и рухнула на пол вместе с телом Алика. На шум прибежала бабушка, с которой он живёт, вынула внука из петли и вызвала скорую. Вот так он и оказался здесь. Целую неделю бабушку не пускали к нему – она могла только по телефону узнавать о его состоянии. Острее всего меня колет в самую больную точку где-то в области груди одна подробность, которую нам рассказал руководитель реабилитационной группы: родители его разведены и уже давно завели новые семьи, отправив Алика жить к бабушке. Встрепенулись они только тогда, когда сын их залез в петлю. Да и то: всё, на что хватило их жалкой душонки, – пара звонков врачу с вопросом о том, жив ли Алик. Из-за сильного удушья у Алика случился эпилептический приступ, после которого он впал в кому. Через несколько дней ему стало лучше, но приступы ещё пару раз повторились. Потом прекратились. Однако посещения врач всё ещё не разрешал, хотя состояние Алика уже можно было считать стабильным. На вопросы бабушки врач отвечал, что Алик не хочет никого видеть.

Звонить во все колокола и обращаться за помощью даже к близким знакомым и родственникам она не стала. Узнав, почему, я просто обалдела: она хотела оставить этот случай

в тайне, чтобы он «не бросил тень на их семью»! Да тут не тень какая-то, а сама чёрная мать-тьма чуть не рухнула на них вместе с небесами. И разве не нужно было в первую очередь направить все усилия на то, чтобы вытащить Алика из-под обломков этой черноты? Так нет же: её терзали «великие думы» о репутации семьи! А если бы у Алика получилось сделать то, что он задумал, она бы скрывала от всех его тело, чтобы никто ничего не подумал? До каких пор, интересно? Когда я слушала руководителя, во мне всё бурлило от возмущения и злости. Все они там хороши! Тоже мне, заботливые родственнички...

В общем, бабушка нашла каких-то частных психологов, но те отфутболили её к психиатрам. К психиатрам за помощью она обращаться не стала по той же причине: а вдруг кто-то узнал бы, что Алик лечится в психушке? Да и вообще, её внук ведь вовсе не псих, его не надо привязывать ремнями к кровати и пичкать таблетками. И он у неё хороший мальчик, всегда таким был, она никогда бы не подумала, что он способен на такое. Даже больница, в которую увезла её внучка скорая, для неё тоже почти как психушка. Она думает, что Алика там залечат до состояния овоща. В общем, в итоге вышла она на наш реабилитационный центр.

Я удивляюсь не только поведению бабушки, но ещё и тому, что происходит во мне сейчас: всё моё прошлое отношение к таким ситуациям изменилось до неузнаваемости. На кровати под белым одеялом я вижу не слабака, а несчастного

ребёнка, в жизни которого настал миг, когда он услышал тот самый внутренний звоночек: сигнал к последнему шагу, зов края. Даже не знаю, как это назвать: сочувствием, жалостью, сопереживанием, болью? Но кроме этого что-то ещё не даёт мне покоя. Это снова какое-то жуткое, щекочущее любопытство, желание заглянуть в щёлочку приоткрытой Аликом двери: что он видел там, на краю, когда чуть не...? Во мне снова просыпается падальщик! Едва ужаснувшись этому уже знакомому ощущению, я пугаюсь ещё больше, снова увидев её. Она прямо тут, в палате Алика! Кружит возле него и облизывается, как будто предвкушая. Или сожалея об упущенной добыче. Время от времени она поворачивается ко мне и скалится: вот-вот завизжит, завоет или захохочет. Она радуется тому, что я её вижу. И что с каждым новым её появлением мне всё сложнее от неё отмахнуться. И убедить себя в том, что на самом деле её нет. Но почему же это так сложно? Ведь я точно знаю, что никто не видит эту пятнистую тварь, кроме меня! В чате я вчера как бы случайно заговорила о той «забавной псине», что ошивалась вокруг меня, пока я пыталась оклематься после падения со ступеньки маршрутки. Так вот мне все трое ясно дали понять, что никакой псины там поблизости не было. Хорошо, что я сразу же свела это всё к приколу о помутнении в глазах от сотрясения – и никто, кажется, ничего неладного не заподозрил. Я чуть слышно шикаю на гиену, но она и ухом не ведёт. Подобравшись к изголовью, тварь тычется мордой Алику в щёку, дышит ему в ли-

цо. Неужели он ничего не чувствует? Его тоненькая рука всё так же безвольно свисает с кровати. Я подскакиваю и хватаю его за эту самую руку, чтобы опередить вдруг устремившуюся к ней же гиену. Она, разочарованно взвизгнув, наконец-то исчезает. Выдыхаю с облегчением. Хоть и знаю, что всё равно она вернётся. Мне кажется, что сейчас во взгляде Алика вспыхивает что-то похожее на благодарность. И тут же гаснет. Может, он всё-таки что-то почувствовал?

Моё поведение никого из ребят не удивляет. Это и понятно: всё наверняка выглядело со стороны просто как порыв сочувствия. А гиену снова видела только я, похоже. Сейчас уже Светка держит смертельно бледного Алика за руку, щебечет что-то успокоительное. Ребята потом присоединяются к ней: Толик шутит, Вадя о чём-то мечтательно-монотонно вещает. Я будто сквозь малопроницаемую завесу слышу шум, но самих слов не различаю. Вижу только, как время от времени губы Алика начинают дрожать в слабой и безуспешной попытке улыбнуться. Интересно, Светка и пацаны хоть раз ощущали этот зов инстинкта падальщика, навещающая спасённых ребят? Тех, из кого ещё не успел выветриться душок смерти. Влечёт ли он их, покалывает ли у них внутри от сладкого предвкушения и желания самим бежать к краю, как только они слышат знакомый зов и чувствуют запах близкого конца? А гиена им мерещилась? Никогда не решусь спросить их об этом. Это что-то такое... постыдное. О таком лучше помалкивать. А не то ещё сочтут меня сдви-

нутой по фазе. Мне бы сначала самой разобраться, что из всего того, что я в последнее время вижу и чувствую, происходит на самом деле. И только потом, может быть, сказать об этом ребятам. Ребята. А ведь я их собственные истории до сих пор не знаю. Как и почему они решили подойти когда-то так близко к краю? На чей зов они шли? Они мне ничего ещё не рассказали – значит, пока не доверяют. Но глядя на них сейчас, я вдруг ощущаю тот же, уже знакомый мне, зуд желания проникнуть за пределы видимого и известного. Надо только, чтобы они приоткрыли дверь и дали мне хотя бы заглянуть внутрь.

Мне снова вспоминаются слова руководителя о том, что главная задача нашей группы, как и лечащих врачей – не просто привести человека в чувство, но сделать так, чтобы он снова не попытался покончить с собой. Чтобы, когда он оклемается, у него просто не было возможности повторить попытку. Потому что во второй раз у него может всё получиться. И тогда суицид этот будет уже на нашей общей совести.

Из больницы мы выходим молча. Кажется, ни у кого нет никакого желания говорить об Алике, а всё остальное кажется пустяками, не достойными обсуждения. Дойдя до ближайшего перекрёстка, мы останавливаемся в нерешительности. Вроде как надо что-то сказать друг другу на прощание, но слова всё никак не произносятся. Светка меня обнимает, и мы стоим так долго-долго. Выпустив меня из своих объятий,

она произносит каким-то неожиданно будничным тоном:

– Ладно, Веруня, мы пойдём, наверно. Ты там это... не забывай про наш чатик. Будем списываться, договариваться о новых встречах.

А к Алику мы ещё придём? Вот что мне хочется знать. Руководитель вроде бы говорил о том, что решение о повторных визитах волонтеров принимают лечащие врачи, родственники и другие «заинтересованные лица». Только вот кто в случае Алика реально заинтересован в его судьбе? Меня вдруг начинает душить горькое раскаяние: мы его бросили, а он там один остался, замотанный в белое одеяло. Неизвестно ещё, когда к нему пустят родственников.

Светка с ребятами уже отошли на приличное расстояние. Но тут, как будто почувствовав, что во мне зреет внутренняя болячка и готова вот-вот прорваться, Вадя оборачивается. Он стоит неподвижно и смотрит на меня несколько мгновений, потом просто машет мне рукой на прощание и догоняет остальных.

Странно: никто из них меня так и не спросил о моём личном «опыте» и тех самых «попытках», которые я выдумала – в общем, изощряться во вранье не пришлось. Может, они думали, что если начнут расспрашивать меня, то им и самим придётся рассказать мне истории своих неудавшихся самоубийств. Откровенность за откровенность. Видимо, не готовы они ещё душу передо мной наизнанку выворачивать. Да и надо ли мне это, в конце концов? Разве недостаточно мне

присутствия в моей жизни сегодняшней Светки, сегодняшнего Толика и Вади, без тянущегося за ними хвоста прошлого? И всё-таки чутьё мне подсказывает, что не успокоюсь я, пока не узнаю, что и как они пытались с собой сделать. Но на сегодняшний день хватит с меня истории одного Алика – её бы переварить для начала.

Я снова смотрю им вслед. На этот раз гиены не бегут за ними попятам. Даже той одной, «моей», нет. И я знаю, почему: она вернулась к Алику в палату после того, как я прогнала её. Надеется, что добыча ещё не безвозвратно потеряна. Меня передёргивает от этой мысли. Становится страшно за Алика. Но может ли причинить воображаемая тварь хоть какой-то вред живым людям? Да никакого. Только вот само её появление говорит о том, что в этом месте, возможно, совсем скоро... Нет, Алика спасли, он выжил. Он уже среди живых. Падальщик, пусть даже мнимый, покрутится возле него и поймёт, что здесь ему уже ничего не светит, что добычу стоит поискать в другом месте. Не среди людей. И потом он так и вернётся к своему зверю, своему поганому племени падальщиков, ни с чем. Конечно, так и будет.

Дома я ещё долго не могу очухаться после посещения Алика. Больничный запах до сих пор свербит у меня в носу. Запасы энергии ну просто на нуле – из меня будто высосали все живые соки. Я без сил плюхаюсь за компьютерный стол. Но неугомонный внутренний «таракан» всё бегаёт и бегаёт по лабиринту извилин мозга и пока не собирается успокаив-

ваться. Пальцы сами забивают в поисковик запрос, не советуясь с головой. Поиск этот не сразу, но всё же выдаёт мне статистику попыток суицида среди подростков за последние месяцы. Их количество в нашем городе, оказывается, резко выросло по сравнению с прошлыми годами. Как-то между делом проскальзывает фраза о том, что если всё так и будет продолжаться в ближайшее время, то, наверно, надо будет бить тревогу. А сейчас, блин, не надо? Заглянуть бы им всем в полуживые или, скорее, полумёртвые глаза Алика. Тогда бы сразу же забили во все тамтамы.

Тут мне попадается статья из ещё одного неофициального источника, затерянного в интернет-дебрях. Там написано, что в стране у нас никто и никак не наблюдает за людьми, которые склонны к суициду. Даже если кто-то явно ведёт себя как человек с «суицидальным риском», никому до него нет дела. Всем плевать также и на тех, кто хотя бы однажды попытался покончить с собой, но не сумел: то ли благодаря тому, что близкие вовремя остановили его, то ли просто не получилось – например, верёвка порвалась. Ну, или вешалка упала, как в случае Алика. Те небольшие добровольные организации, которые пытались заняться предотвращением таких рисков и реабилитацией неудавшихся суицидников, а ещё – помощью их близким, были тут же расформированы, не успев сформироваться. Интересно, как ещё наша группа держится на плаву. Неужели её тоже скоро ликвидируют?

За окном уже темнеет, а я всё ещё изучаю статистику и

углубляюсь в тему. И с непониманием, возмущением, но в то же время – каким-то тупым бессилием пялюсь на сравнительные процентные столбики, кривую графика и прочие штукенции. Как же они всё точно рассчитали, сравнили, проанализировали. Только вот какое место во всём этом анализе занимает конкретный мальчик Алик? Тот самый, который завтра, может, пополнит собой уже совсем другую статистику. За каким столбиком они умудрились спрятать тысячи историй таких вот Аликов?

Бабуля приходит домой, я наконец-то выключаю ноут. Ничего говорить ей я, конечно, не собираюсь. Ни о сегодняшнем походе в больницу, ни о том, что я теперь – реабилитационный волонтер. Да если бы и захотела сказать, то не смогла бы выговорить, как Светка, ха-ха. Раньше я от бабули мало что скрывала. Может, просто потому, что жизнь моя была скучна и предсказуема. А скучная и предсказуемая жизнь и так всегда как на ладони: никаких подводных течений и Марианских впадин всяких, в которых водится не пойми кто.

– Веруша, ты чего такая бледная, как полотно? Случилось что-то? Опять катушку Теслы пыталась собрать? Бросила бы ты это дело. Ты же девочка – займись наконец-то девчачьими делами.

– Катушку я всё равно когда-нибудь соберу. Надо просто додумать кое-что. Хочу сама, без инструкций чужих. А насчёт девчачьих дел – этой фигнёй и без меня есть кому за-

ниматься. Ты же знаешь, бабуль, – не по душе мне вышитые крестиком цветочки и сериальчики про любовную любовь.

– Да знаю я всё. Знаю, что бесполезно тебе советовать – как и заставлять тебя надеть хоть раз платице. Всё ходишь в этих мальчишеских джинсах и футболках, как сорванец какой-то.

– Бабуль, не начинай. Это стиль такой.

– Ну, какой такой, а?

– Мой личный, авторский. У него даже название есть: удобный. И вообще, эти «мальчишеские» джинсы, как ты их называешь, называются «бойфренды». Современные девочки-припевочки их тоже иногда носят, кстати.

– Что-то я не видела ни одну девочку в таких. Не всё, что удобно, хорошо выглядит, внучка. И ладно бы только одежда мальчишеская, так ещё и причёска какая-то лохматая.

– Не ворчи, бабуля. Лучше нам с тобой о стиле даже не начинать спорить.

Спать я ложусь раньше, чем обычно, и уже заранее знаю, чьё лицо мне точно приснится. Но не из-за этого мне не удаётся сразу уснуть. Интересно, куда отправились Светка и ребята после больницы. Может, просто разошлись по домам. Или пошли куда-то вместе, чтобы развеяться и забыться, но почему тогда не позвали меня с собой? Я вспоминаю, как на прощание Светка меня обняла, а Вадя обернулся и помахал рукой. И меня снова пронзает горькая тоска по ним.

Глава 6

На следующий день в школе я с самого утра как на иголках: постоянно ёрзаю на стуле, слушаю учителей вполуха – так мне не терпится зайти в нашу беседу и узнать, написали там что-то ребята или нет. Лимит мобильного интернета исчерпан, активировать его не могу – не успела ещё деньги положить на счёт. Как только дребезжит звонок на большую перемену, тут же бегу к магазину через дорогу – там ближайший терминал. На обратном пути, уткнувшись в телефон, активирую интернет. Захожу на страницу и вижу, что в беседе со вчерашнего вечера никто ничего не написал. Мне нужно с кем-нибудь из них или с ними со всеми поговорить об Алике, который мне сегодня, конечно же, снился. Мне нужно решиться наконец-то спросить у Вади, что он думает по поводу выпавшего числа двенадцать. Выпавшего нам всем числа на двух игральных костях. Мне нужно... да позвать их куда-нибудь погулять, в конце концов – почему бы и нет? Я начинаю печатать предложение – и сразу его стираю. Начинаю писать новое – и снова всё удаляю подчистую.

Мне на помощь приходит Светка, которая, будто почувствовав мои сомнения и волнение на расстоянии, отправляет в чат забавную собачку и желает нам доброго утра. Я тоже приветствую всех – ну, хоть что-то для начала. Вышла из ступора хотя бы. Но тут, как назло, звенит звонок на урок –

приходится всё отключить.

В чат я возвращаюсь уже после уроков – сажусь на скамейку в парке и читаю те сообщения, которые ребята успели настрочить, пока меня не было. Везёт им – наверно, в их школах не такой жесткач с дисциплиной, как у нас, раз им можно копошиться в телефоне во время уроков. Или они все сейчас не в школе? В общем, там обычный трёп на всякие-разные темы – ничего серьёзного. Но именно этот трёп приводит меня в чувство, успокаивает, приглаживает растрёпанные мысли. Толик рассказывает о том, что прямо сегодня с утра попробовал очередную экзотическую вкусняшку – гамбургер, сделанный с какой-то особенной французской сосиской. Да он настоящий гурман! Только я бы на его месте выбрала другой «деликатес». Тогда, в маршрутке, мне показалось, что Толик готов проглотить всё, что угодно. Сейчас, читая реплики ребят, я понимаю, что он вроде дегустатора, что ли – любитель пробовать что-то новенькое. Устраивает сам себе челленджи по поеданию редких вкусняшек. Вадя спрашивает, как нам его новый трек. Я ещё не слушала, но и так знаю, что наверняка он крут. Светка, как всегда, умиляется и радуется всему. Это тоже здорово. Моё настроение взмывает ввысь.

Тут кто-то из них упоминает слово «вчера» – и я снова вспоминаю Алика. Думают ли остальные о нём так же часто, как я? Если думают, то почему не говорят? Может, у них так принято: не обсуждать трагичные истории тех, кого они

навешают, и вообще приходиться к каждому только один раз – я ведь чувствую, что к Алику мы больше не придём. Не углубляться в чужое горе, чтобы самим не пойти ко дну. Ведь однажды они трое чуть было не... О своём сне с Аликом в главной роли я в итоге так и не рассказываю. А о виденной мной наяву гиене, ошивавшейся возле его больничной койки, – тем более. Кажется, если я начну описывать сюжет сна – меня просто не поймут. Этим я нарушу их «кодекс». Кодекс клуба самоубийц. А если расскажу о гиене – так просто сочтут чокнутой.

Вадя неожиданно радуется тому, что сам начинает разговор на другую волнующую меня тему.

Вадя: Я тут, кстати, всё ещё думаю насчёт числа двенадцать. Перебрал всю символику, которую знаю: двенадцать апостолов, двенадцать знаков зодиака, двенадцать подвигов Геракла, двенадцать главных олимпийских богов – да, я даже в мифологию полез.

Света: Вадечка, а что это значит именно для нас? Вот выпало нам это число – и что теперь? Чего ждать?

Толик: Да я уже забыл про эти кубики. Это же какие-то две игрульки с точками всего лишь, чего вы заморачиваетесь?

Но «глас разума», которым пытается вещать Толик, все упорно игнорируют.

Вадя: Ещё я вычитал у одного автора идею о том, что двенадцать – это число жертвы. И жертва эта – главное

условие восхождения человека к высшим, божественным силам.

В мыслях у меня тут же снова вырисовывается образ повешенного с пропавшей двенадцатой карты Таро. Как было написано в трактовке? «Перемены, которые могут потребовать жертв». То, что карта пропала, означает, что не будет перемен? Или не будет жертв? Я смотрю на беззаботные сообщения в нашем чате, на аватарки его участников и думаю вдруг: а если скоро всего этого не станет? Странное предположение, кружащееся сухим листом в водовороте мыслей и вскоре исчезающее в нём.

Вадя: А о Мистическом Городе вы слышали? Он окружён высокой стеной, имеет двенадцать ворот и на них – двенадцать Ангелов. И если уж в эту сторону двигаться, то надо ещё вспомнить карты Таро – без этого никак.

Я покрываюсь гусиной кожей. С нетерпением и, в то же время, страхом жду Вадиных выводов насчёт связи нашего числа с Таро. Вадя пишет, что тут всё не так просто. Если начинать нумеровать карты с нуля, то есть первая карта, Шут, будет нулевой, тогда двенадцатая карта – это Повешенный. А если с единицы, тогда под номером двенадцать будет другая карта – Справедливость. О Повешенном Вадя пишет то, что я и сама уже читала: о жертвах ради перемен и прочем. А Справедливость символизирует связь наших поступков с нашей судьбой: то, что мы делаем, создаёт нам будущее. Короче говоря, что сеешь, то и жнёшь, как любит говорить бабуля.

Выпавшая человеку Справедливость говорит о том, что ему предстоит принять важное решение и при этом быть очень осторожным и осмотрительным.

Мы начинаем обсуждать одну карту, потом – другую, потом спорим о том, насколько всему этому вообще можно верить. Наша четвёрка делится в этом споре на два лагеря: мы с Толиком – скептики и материалисты, сомневающиеся во всех этих символах и их влиянии на судьбу, Светка с Вадей готовы поверить в то, что всё это «не просто так». Спорим мы не так уж отчаянно – пух и перья не летят по сторонам. Но, если по-честному, то я вообще-то должна занимать нейтральную позицию. Я уже несколько дней далеко не такой убеждённый скептик, которым сейчас зачем-то хочу казаться. О пропавшей карте из колоды я всё ещё молчу. Всё то же чувство не отпускает меня: будто кто-то навсегда запретил моим пальцам писать, а голосу – произносить хоть слово об исчезнувшем Повешенном. Я открываю в галерее изображение карты, чтобы снова рассмотреть и вспомнить детали. Да ведь лицо этого висящего вниз головой человек так похоже на... лицо Алика. Нет, это всё мне мерещится. Я ведь тогда, в больнице, так старалась не запоминать эти измождённые, заострившиеся черты. Поэтому теперь в моей памяти только набросок-черновик, но не точный портрет Алика.

Спор в итоге заходит в тупик. Разговор постепенно сворачивает в другую сторону. И тут Светка неожиданно пишет то, что продолжает эти мои мысли. Я читаю и не верю своим

глазам. Почему именно сейчас...?

Света: Ребята, я звонила руководителю, спрашивала про Алика. Он говорит, что к нему уже начали пускать родственников. Буквально на две-три минуты пока что.

Некоторое время никто ничего не отвечает. Это молчание кажется мне каким-то осуждающим почему-то: будто Светка нарушила их общий на троих обет молчания на запретную тему. Я на свой страх и риск его нарушаю тоже.

Я: Значит, мы больше его не сможем навестить?

Света: Ну, насколько я поняла, наша помощь уже не нужна. Поэтому, наверно, нас больше не позовут к нему.

Меня вдруг пронзает чувство вины перед Аликом. Получается, мы его бросаем, потому что кто-то сказал, что в нас он больше не нуждается. А вдруг нуждается? Его-то самого об этом спросили? Это почти предательство. Он наверняка ведь помнит, как Светка его держала за руку. Я уверена, что помнит и слова ребят, примиряющие его с жизнью и отводящие подальше от смерти. А что ему способны дать непутёвые родственнички? И что если... гиена вернётся, а рядом с ним никого не будет, чтобы её прогнать? Я сама себе не верю, что думаю сейчас об этом как о реальной угрозе! И всё же видение моё было таким реальным.

Света: Даже если мы очень захотим прийти к нему, нас не пустят. Нам уже туда нельзя. Теперь к нему пускают только своих.

Да уж. Эти свои хуже чужих. Светка, наверно, пытается

сейчас успокоить собственную совесть.

Света: Ребята, а у вас не бывало такого... В общем, помните такое огромное колесо – все же в детстве на нём катались? Когда твоя кабинка поднимается на самый верх, внутри что-то сжимается, а потом – снова расслабляется. Как гармошка. А если ещё и вниз посмотреть – то вообще дух захватывает.

Толик: Ага, колесо я обкатал раз тыщу. Не слезал с него почти.

Вадя: А я всегда боялся высоты. Поэтому к колесу даже не подходил никогда.

Света: Так вот, вы сейчас иногда чувствуете такую же «гармошку» внутри, как тогда, на колесе? После того, как мы выходим из чьей-то палаты. Когда гармошка сжимается – страшно, когда расслабляется – появляется какой-то дикий азарт, и вот тогда кажется, что ты готов на всё, и хочется сделать что-то такое... Как будто это от них, от ребят этих мы чем-то таким особенным заражаемся. А ещё из-за этого чувства хочется приходить в больницу снова и снова.

А у меня сейчас одно желание: заставить Светку замолчать. Ну, то есть перестать писать. Остановиться, в общем. То чувство, о котором она сейчас говорит, – это ведь тот же зов прорывающегося внутри падальщика, только под другим «соусом» поданный и другими словами описанный. Я прекрасно понимаю то, что пытается выразить Светка. И я очень

хорошо представляю, как этот падальщик грызёт её изнутри, каждый раз требуя новую пищу, новую жертву. Его сводит с ума запах смерти – и он же его насыщает. В этот самый миг меня осеняет страшная догадка. А не мы ли... те самые гиены? Не запах ли смерти, который ещё не выветрился из Алика, нас привёл к его больничной койке? Или всё-таки желание поддержать его и удержать на краю, чтобы он снова не попытался ринуться вниз? Теперь, когда Светка говорит об этом знакомом мне чувстве, я уже не уверена, как раньше, в том, что нами двигал только благородный порыв. Зато я абсолютно уверена в другом: мне хочется немедленно вырвать Светку из власти падальщика прямо сейчас, хотя бы на короткое время, и ещё – не отдать ему Толика и Вадю. Поэтому надо, чтобы они не успели понять Светкины слова, не успели заразиться от неё способностью перерождаться в падальщика. Да и от меня – тоже. Поэтому тут же пишу впопыхах первое, что приходит в голову.

Я: А давайте все вместе сходим на аттракционы, пока-таемся на колесе?

Все сразу дружно соглашаются. И только сейчас до меня доходит суть того, что я им сейчас предложила. Да что же я такое творю! Как будто не я это написала сейчас. Я ведь высоты жуть как боюсь с детства. На физ-ре так ни разу и не залезла на канат. Ну, и ладно. Всё равно хотела их куда-то позвать. Вот и подхватила как-то бессознательно, на автопилоте идею, которую Светка мне подкинула, сама того

не подозревая. Может, я наконец-то расправлюсь со своей застарелой фобией. А Светка поймёт, что колесо – это просто колесо, и никакой внутренней гармошки нет и быть не могло. И никак эта гармошка с больничными посещениями не связана. Тогда падальщик её отпустит. Ну, или сдохнет внутри неё. Я перестану то и дело видеть гиену и думать, что она – воплощение того, что живёт внутри нас. А до ребят эта болячка вообще не доберётся. И разум со здравым смыслом победят. Да здравствует наука, материализм и трезвый взгляд на жизнь. Ура.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.